

УДК 947

Фунакава Х.
Funakawa H.

Инцидент с арестом сотрудников генерального консульства Японии во Владивостоке

Incident with arrest of employees of Consulate General of Japan in Vladivostok

В статье описывается эпизод из так называемых «дипломатических войн». В 1922 – 1925 годах напряжённые советско-японские отношения (после Гражданской войны и интервенции в России они не могли быть другими) крайне негативно отразились как на японском дипломатическом корпусе, так и на только формирующимся – советском. Автор прослеживает хронику событий тех лет. Это почти неизвестный в русскоязычной литературе взгляд японской стороны.

Ключевые слова: Япония, Тайсё, дипломатия, ОГПУ, советско-японские отношения, международные отношения

The article deals with an episode from the so-called «diplomatic wars». In 1922-1925 the cold Soviet-Japanese relations (after the Civil war and the intervention in Russia they could not be different) extremely negatively influenced both the Japanese diplomatic corps and the Soviet one which was only forming. The author traces chronicle of events of those years. It is an almost unknown (in the Russian-speaking literature) view of the Japanese party.

Key words: Japan, Taisyo, diplomacy, OGPU, Soviet-Japanese relations, the international relations.

1. Кратко об аресте

26 февраля 13 года Тайсё¹ Приморский губернский отдел Объединённого государственного политического управления (далее ОГПУ²) произвёл обыски на квартирах сотрудников Генерального консульства Японии во Владивостоке: вице-консула Гундзи Томомаро (郡司智麿), переводчика Осакабэ Цуцуму (小坂部濤), чиновника администрации Корейского генерал-губернаторства Харута Рэйхатири (治田麗八郎), капитана 3-го ранга Минодзума Дзюндзи (蓑妻準二), а также капитана Ма-

ФУНАКАВА Харухи (舟川はるひ), научный сотрудник Института стран Евразии (г. Токио, Япония)

Перевод с японского: Субботин А.Н.

¹ 26 февраля 1924 г. Здесь и далее датировка приводится по Григорианскому календарю.

² 2 ноября 1923 г. Государственное политическое управление (ГПУ) было преобразовано в Объединённое государственное политическое управление. (ОГПУ) приобретает статус всесоюзной организации. Само название «ГПУ» используется в период с 6 февраля 1922 г. по 1 ноября 1923 г.

Фото 1. В Спасском отделении консульства Японской Империи (справа Мисао, няня и русская машинистка).

цуи Такуро (松井太久郎). В общей сложности было арестовано 13 человек, включая 4 японцев.

Тяжело больной Д. Минодзума находился под домашним арестом, но 2 марта был взят под стражу. Органы безопасности обвинили всех арестованных в сборе информации, составляющей государственную тайну, в частности сведений о Красной Армии. Также по подозрению в причастности к шпионажу было арестовано ещё 10 человек, русских и корейцев.

В то время в России аресты граждан Японии не были редкостью. Однако поскольку никогда прежде одновременно не было арестовано такое количество японцев, и, учитывая тот факт, что среди них было 5 сотрудников консульства и военных атташе, инцидент вызвал немалый резонанс среди японской общественности.

Одним из арестованных был Гундзи Томомаро, дед автора этой статьи. При каких же обстоятельствах был арестован дед? Выяснить этот вопрос было давнишней мечтой автора. Недавно сотрудниками Исторического архива дипломатических документов МИД Японии были обнаружены материалы об этом инциденте. Кроме того, была предпринята попытка выяснить, не сохранились ли в России материалы по этому делу, и оказалось, что документы находятся во Владивостоке в архивах Федеральной службы безопасности. На поданное тогда же в указанную организацию обращение весной 2009 г. пришёл ответ, что дано разрешение на знакомство родственником с отдельными материалами дела самого Гундзи Томомаро, но не с документами, касающимися прочих арестованных. В сентябре того же года автор посетил во Владивостоке Приморское управление Федеральной службы безопасности. Однако документы, с которыми было разрешено ознакомиться, представляли собой лишь часть всего архива, и лишь небольшую часть из них было разрешено скопировать. На вопрос о причине этих ограничений сотрудник пояснил, что поскольку Гундзи Томомаро по-прежнему считается вино-

Фото 2. С семьей и коллегой во Владивостоке (слева Томомаро). 1924 г.

вным и материалы его допроса не могут быть полностью открыты. Ниже приводится часть постановления, разрешённая для копирования.

Гундзи Томомаро, 41 год, самурай, японский подданный, по профессии – служащий, уроженец губ. Хоккайдо, окончивший Институт иностранных языков, женатый, неимущий, беспартийный. Прибыл в Приморье гор. Хабаровск в июне месяце 1919 года по командировке Министерства иностранных дел. В 1920 году из Хабаровска приехал во Владивосток и был командирован консульством в гор. Спасск на должность вице-консула, в каковой должности и пробыл до августа 1922 года, затем переехал в 1923 году в гор. Никольск-Уссурийский, где проживал до июня месяца 1923 года. За время своего пребывания в гор. Никольск-Уссурийский гр. Гундзи вёл через своих секретных агентов (шпионскую деятельность)¹. В июне 1923 года гр. Гундзи приехал в гор. Владивосток, где занял должность вице-консула при бывшем консуле японского правительства. Состоя в этой должности, он продолжал ту же противозаконную деятельность, сообщая японскому правительству о передвижении русских воинских частей и, в частности, в районе Никольск-Уссурийский – Пограничная, указывая их численность и боеспособность. Описанная деятельность (продолжалась) с октября 1922 – по настоящее время.

Исключая место рождения, данная биография соответствует действительности. На самом деле Гундзи Томомаро родился в Токио, однако эти расхождения, вероятно, возникли в силу того, что отец ребёнка Гундзи Сигэтада (郡司成忠) по долгу службы занимался освоением Курильских островов и ребёнок был зарегистрирован на о. Шумшу.

И хотя нам не удалось ознакомиться со всеми материалами дела, но уже то, что в России эти документы сохранились, было для нас очень

¹ Документ переписан А.Н. Субботиным. В оригинале на месте скобок развёрнутое предложение, коротко переданное как «шпионская деятельность» (прим. автора).

Фото 3. Томомаро (в верхнем ряду второй справа)

важно. Рассуждая о данном инциденте, следовало бы упомянуть обо всех арестованных, но, ограниченные размерами статьи, мы хотели бы рассмотреть лишь пятерых главных обвиняемых, высылку троих сотрудников консульства, а также обстоятельства и причины, приведшие к аресту.

2. Обстоятельства, приведшие к аресту

Положение Генерального консульства во Владивостоке

После краха Российской империи в феврале 1918 г. из Санкт-Петербурга был отозван посол Утида Косаи (Ясуя) (内田康哉). В августе того же года из Москвы на родину вернулся консул Кумадзаки Кё (熊崎恭). В результате отношения между Японией и советским правительством фактически были прекращены. Однако после объявления о начале интервенции на Дальнем Востоке было увеличено число консульских филиалов¹, планировалось также увеличить количество сотрудников владивостокского консульства. Впоследствии, после вывода экспедиционных войск, дополнительные филиалы были закрыты, а после установления в Приморье советской власти консульство во Владивостоке осталось единственным японским консульством в России. Японское правительство не стало закрывать владивостокское консульство, которое занималось защитой японского населения, проживающего на Дальнем Востоке (главным образом во Владивостоке), а также анализом политической ситуации в России и наблюдением за антияпонскими движениями проживающих в Сибири корейцев. Одна из причин заключалась

¹ Филиалов консульства Японии (прим. перев.).

Фото 4. Томомаро (сидит справа)

в том, что японское правительство опасалось союза большевиков со сторонниками движения за независимость Кореи.

В период интервенции в Сибири консульство во Владивостоке возглавлял Кикүти Ёсиро (菊池義郎), затем обязанности генерального консула исполнял Мацумура Садао (松村貞雄), однако сразу после вывода экспедиционных сил от напряжённой работы у С. Мацумура случился инсульт и 21 февраля 1923 г. он скончался во Владивостоке. После смерти консула С. Мацумура пост генерального консула оставался свободным, исполняющим обязанности генерального консула был назначен консул Ватанабэ Риэ (渡辺理恵). Фактически же он стал генеральным консулом.

В ноябре 1922 г. Дальневосточная Республика прекратила своё существование, а её территория, перешедшая к РСФСР, была разделена на 6 областей. Одной из них стала Приморская губерния со столицей во Владивостоке. До выборов в Приморье исполнительного комитета Советов вся власть временно сосредоточилась в руках военного комитета, в качестве главы комитета был прислан Р. Бельский. На вопрос консула Р. Ватанабэ о судьбе японского генерального консульства 7 февраля 1923 г. Р. Бельский сообщил, что получил телеграмму центрального правительства с неофициальным разрешением на продолжение деятельности консульства.

Во второй декаде февраля 1923 г. Народный комиссариат иностранных дел открыл во Владивостоке своё представительство, куда в качестве уполномоченного был направлен Н. Хавин. 20 февраля 1923 г. Н. Хавин официально известил исполняющего обязанности генерального консула Р. Ватанабэ о том, что если в течение ближайших трёх месяцев не будет официально получена экзекватура от советского правительства, то деятельность консульства будет остановлена. Японское правительство предложило перевести консульство в ранг торгового представительства

практически с теми же правами и функциями и заявило об отказе от получения экзекватуры. Поскольку советское правительство на предложение не ответило и об экзекватуре больше не напоминало, Р. Ватанабэ продолжал выполнять свои функции.

В наиболее благоприятный период, каким был 1919 г., японское население Владивостока составляло 5915 человек, но с выводом экспедиционных сил большая часть жителей была эвакуирована, и к июню 1923 г. из них в городе осталось 719 человек [7, p. 316]. Осознавая опасность для соотечественников, оставшихся во Владивостоке, в котором после крушения монархии царил хаос и было неспокойно, японское правительство вынуждено было форсировать эвакуацию японского населения. В Китае сдерживанию преступности способствовали полицейские силы, созданные при всех консульствах, однако Владивосток находился вне юрисдикции японской полиции, и в экстренном случае здесь можно было надеяться лишь на стоящий в порту Владивостока военный корабль «Ниссин». Подобные ситуации случались, и сразу после революции японское население сформировало отряды обороны, а после вывода войск предприняло меры для обеспечения собственной безопасности, передав генеральному консульству оружие, оставленное военными.

15 марта 1923 г. во Владивостоке прошёл приморский съезд советов, на котором были официально выбраны члены губернского исполнительного комитета. Руководителем Приморского губернского отдела Государственного политического управления был избран П. Карпенко. Поставленный для наблюдения за постоянно возникающими в Приморье контрреволюционными движениями, П. Карпенко поручает созданному в феврале того же года «корейскому отделу» (как называли его на тот момент в Японии) пристально следить за деятельностью проживающих здесь японцев. Руководство корейского отдела в основном состояло из членов верхушки Корейской коммунистической партии¹. Из-за усиления их влияния Владивосток покинули многие лояльные к Японии корейцы.

Сразу после прихода к власти советское правительство неоднократно поднимало вопрос об установлении мира и торговых отношений с Японией, и одновременно предпринимало попытки установления дипломатических отношений, но в Японии продолжали игнорировать эти инициативы. После создания Дальневосточной Республики предпринимались попытки неофициальных переговоров в Даляне и Чанчуне, но все они потерпели неудачу.

Гото Симпэй (後藤新平), мэр Токио и по совместительству председатель Японо-русского общества, получил от премьер-министра Като Томосабуро (加藤友三郎) неофициальное указание способствовать продвижению японо-советских переговоров и в конце января 1923 г. под предлогом лечения пригласил посла СССР в Китае Адольфа Иоффе в Японию. В противоположность положительно настроенному С. Гото, министр иностранных дел Утида Косай (Ясуя) относился к А. Иоффе весьма холодно. Министр К. Утида сразу отказал А. Иоффе в использовании необходимых для дипломата шифрованной телеграфной связи и дипломатической почты, а также в дипломатических привилегиях и равнозначном статусе, которые С. Гото пообещал А. Иоффе.

Холодный приём, оказанный министром иностранных дел послу А. Иоффе, не замедлил сказаться на Генеральном консульстве Японии. Примерно через 2 месяца после того, как К. Утида отказал А. Иоффе в использовании шифрованной телеграфной связью и дипломатической почтой, Н. Хавин известил консула Р. Ватанабэ о приостановлении ис-

¹ Крыло Коммунистической партии Кореи, сформированное в Сибири под непосредственным руководством РКП(б).

пользования консульством шифрованной телеграфной связи, с 24 апреля это распоряжение вступило в силу. Этот запрет просуществовал до того момента, пока правительство Японии не разрешило А. Иоффе использовать шифрованную телеграфную связь. Иоффе пробыл в Японии около полугода, но переговоры стояли на месте, и в августе 1923 г., увидев бесплодность всех своих попыток, он покинул Японию.

Арест секретаря министерства внутренних дел

26 апреля 1923 г. ГПУ провело обыски на квартирах командированного во Владивосток министерством внутренних дел секретаря Кагами Такэо (加々美武夫) и переводчика Окамото Кадзуо (岡本一雄), а 3 мая подозреваемые были вызваны в суд и там арестованы. Секретарь Т. Кагами был чиновником, присланным осенью 1922 г. министерством внутренних дел для «изучения планов радикальной пропаганды, а также их реализации, и чтобы способствовать контролю над радикалами»¹.

Министерство иностранных дел, получившее приказ содействовать командированному чиновнику, просило министерство внутренних дел об осмотрительности, поскольку отправка чиновника, не имеющего дипломатических привилегий, в случае возникновения осложнений с властями страны могла ещё больше усугубить ситуацию. Несмотря на это министерство внутренних дел, как и планировало, отправило Т. Кагами во Владивосток.

Получивший это распоряжение консул Р. Ватанабэ вновь и вновь обращался к правительству, однако безрезультатно. Кагами собирал информацию об антияпонски настроенных корейцах через корейских агентов. Поскольку эти агенты работали на ГПУ, то Т. Кагами был арестован. Когда об инциденте стало известно, японское общество было взбудоражено. Нашлись даже те, кто призывал в ответ арестовать находившегося в тот момент в Японии А. Иоффе. 18 мая Р. Ватанабэ обратился к Н. Хавину, указав, что этот арест ведёт к ухудшению дальнейших отношений, и потребовал освободить арестованных. 23 мая Кагами и Окамото были наконец освобождены.

Великое землетрясение Канто и инцидент с пароходом «Ленин»

24 августа умер премьер-министр Като Томосабуро, а 28 августа императорским указом на эту должность назначен Ямамото Гомбэй (山本権兵衛). Однако 1 сентября, в период формирования кабинета министров, в районе Канто произошло сильнейшее землетрясение. Это бедствие, потрясшее всю Японию, стало серьёзным испытанием и для генерального консульства во Владивостоке.

2 сентября в Москву поступает первое сообщение о землетрясении. Получивший это известие, Н. Хавин нанёс визит консулу Р. Ватанабэ и предложил через него японскому правительству себя в роли посредника для оказания помощи пострадавшим. На следующий день 4 сентября Н. Хавин вновь посещает генеральное консульство и сообщает вице-консулу Т. Гундзи о создании в Приморье комиссии по оказанию

¹ 外交史料館, 1,6,3 24-13-75 露国派遣軍撤退後ノ労働政府对極東事件雑件 第一卷「加賀美事務官拘禁家宅搜索問題」 – Исторический архив дипломатических документов. 1,6,3 24-13-75 События Дальнего Востока, связанные с рабоче-крестьянским правительством после вывода из России экспедиционных войск. Том 1. «Обыск и арест секретаря Кагами». В заголовке имя секретаря Кагами дано как 加賀美, однако здесь, следуя оригинальному документу, направленному из министерства внутренних дел в министерство иностранных дел, мы пишем 加々美. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

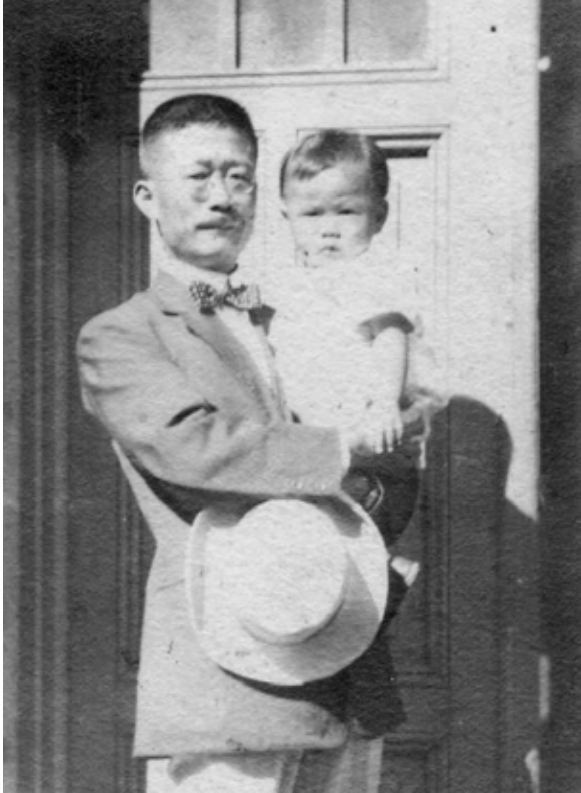

Фото 5. Томомаро. Владивосток, 1923 г.

помощи Японии, а также о намерении отправить судами Добровольческого флота материальную помощь и медицинских работников. Удивлённые этим сообщением, Т. Гундзи и Р. Ватанабэ срочно занялись сбором информации и выяснили, что советское правительство планирует, пользуясь случаем, развернуть коммунистическую пропаганду и погрузить вместе с материальной помощью большое количество агитационной литературы. Телеграммой об этом Р. Ватанабэ направил в министерство, но сразу после землетрясения связь между консульством и министерством была прервана, и ответа он не получил.

5 февраля Н. Хавин, ссылаясь на телеграмму народного комиссара иностранных дел Георгия Чичерина, адресованную японскому правительству, заявил, что хотел бы по возможности скорее отправить суда Добровольческого флота. На это Р. Ватанабэ возразил, что хотел

бы, чтобы это было сделано после того, как они дождутся ответа из министерства. Н. Хавин настаивал, что у Японии нет причин препятствовать судам с гуманитарным грузом. Посоветовавшись с Т. Гундзи, Р. Ватанабэ решил, что дальнейшее препятствование может иметь серьёзное влияние на дипломатические отношения, и, если отправка кораблей неизбежна, следует рекомендовать им избегать Токийского залива, который может представлять опасность, а войти в порт Кобэ или один из открытых портов. Сразу после совещания Р. Ватанабэ немедленно телеграфировал в министерство и губернатору префектуры Хёго о сложившейся ситуации. Помимо этого, предвидя, что из-за хаоса сообщение может не прийти, он принимает решение отправить в Японию Т. Гундзи. В тот же день Т. Гундзи отправляется из Владивостока в Кобэ. Не имея связи с Японией, Р. Ватанабэ как исполняющий обязанности генерального консула должен был принимать важные решения, связанные с международными вопросами.

8 сентября из Владивостока вышел пароход «Ленин». На его борту было 180 человек, в том числе 67 медиков, а также медикаменты и продовольствие на общую сумму 170 тысяч иен¹.

¹ 防衛省防衛研究所, 海軍省公文備考, 大正12年 卷161 変災災害(1923年9月12日付 小林第三戦隊司令官兼海軍次官宛報告書) - Институт обороны Министерства обороны Японии. Примечание к официальным документам Военно-морского ведомства Японии. 12-й год Тайсё. Том 161 «Ущерб, причинённый стихийным бедствием» (12 сентября 1923 г., доклад командира 3-го дивизиона Кобаяси секретарю военно-морского

9 февраля по прибытии в Кобэ Т. Гундзи встретился с губернатором префектуры Хёго и военными. Они обсудили предупредительные меры. Тогда же Т. Гундзи сообщил: «Помимо большого количества агитационной литературы на судне находятся также главари непокорных корейцев» (оригинальный текст сохранён – прим. автора)¹. 11 февраля прошло заседание совета министров, на котором была выработана генеральная линия относительно получения советской помощи: помощь принять и подвергнуть тщательному досмотру, в высадке экипажа на берег отказать.

12 февраля, вопреки рекомендациям Р. Ватанабэ, пароход «Ленин» входит в порт Йокогама. Японцы, полагавшие, что корабль придет в Кобэ, были в растерянности. На борт прибыли начальник порта и представители полиции. Один из полицейских обратился с вопросом к журналисту РОСТА, находившемуся на корабле, и получил ответ: «Материальная помощь предназначена для японских рабочих. У нынешнего землетрясения есть высокая миссия – революция в Японии»². Узнав об этом, чрезвычайный штаб ещё более усилил меры предосторожности по отношению к пароходу «Ленин».

13 февраля состоялось заседание кабинета министров. После того, как члены штаба доложили о событиях предыдущего дня, ситуация резко изменилась. Изменился сам курс японского правительства – помощь не принимать, а от парохода «Ленин» требовать покинуть пределы Японии.

В министерстве иностранных дел не знали об этом решении, глава отдела по делам Европы и Америки вместе с прибывшим из Кобэ Гундзи и консулом Симада Сигэру (島田滋), вернувшимся из Харбина, обсужда-

Фото 6. Супруги Томомаро в фотостудии Хабаровска, 1919 г.

ведомства). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.go.jp/about_us/index.html [Дата обращения: 02.02.2012]

¹ 防衛省防衛研究所, 前掲資料 (1923年9月10日付 伊丹少将発陸軍参謀次長宛電報) - Институт обороны Министерства обороны Японии. Там же. (10 сентября 1923 г., телеграмма генерал-майора Итами заместителю начальника штаба сухопутных сил). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.go.jp/about_us/index.html [Дата обращения: 02.02.2012]

² 防衛省防衛研究所, 前掲資料 (1923年9月18日付 閣議報告) - Институт обороны Министерства обороны Японии. Там же. (18 сентября 1923 г., доклад кабинету министров) [Электронный ресурс]. URL: http://www.nids.go.jp/about_us/index.html [Дата обращения: 02.02.2012]

ли, каким образом принимать помощь и на каких условиях допускать команду судна на берег. В тот же день в седьмом часу вечера полковник Такэда Гакудзо (武田額三) из комиссии по противодействию прибыл на пароход «Ленин» и передал приказ о выдворении.

Утром 14 февраля со всем грузом на борту пароход вышел из порта Кобэ во Владивосток.

17 февраля Р. Ватанабэ посещает Н. Хавина и объясняет позицию Японии в событиях с пароходом «Ленин». Однако 24 февраля советское правительство направляет через Р. Ватанабэ протест по поводу того, что «Япония без объяснения причин отклонила гуманитарную помощь народов России». Инцидент приобрёл широкую огласку не только в России, но и мире. Гундзи, который из-за разногласий, существовавших внутри японских ведомств, не мог участвовать в переговорах с командой парохода «Ленин», 21 февраля отбыл из Токио и 24 февраля вернулся во Владивосток.

26 февраля министр иностранных дел Идзюин Хикокити (伊集院彦吉) через Р. Ватанабэ отправляет телеграмму народному комиссару иностранных дел Г. Чичерину с повторными разъяснениями относительно инцидента.

Позднее советские историки [1-6] постоянно настаивали на том, что на борту парохода «Ленин» не было агитационной литературы, однако из обнаруженных недавно документов становится ясно, что на самом деле на борту судна она была¹.

Вслед за инцидентом с пароходом «Ленин» генеральному консульству во Владивостоке немало проблем доставило последовавшее за землетрясением массовые убийства корейцев². В третьей декаде сентября владивостокские газеты опубликовали сообщение о произошедших в Японии массовых убийствах корейцев. Местная газета «Красное Знамя» от 29 сентября перепечатала полный текст протеста, обращённого Временным правительством Кореи в Шанхае японскому правительству. 13 октября капитан прибывшего из Владивостока парохода «Сэйсин-мару» доложил, что досмотр прибывающих и отбывающих японских судов советскими властями с октября значительно ужесточён. Во второй декаде декабря произошёл случай, когда после совещания консульских сотрудников, проходившего на территории Корейского генерал-губернаторства, вице-консулу Гундзи и другим сотрудникам консульства, возвращающимся из Вонсана на пароходе «Сэйсин-мару», советские власти в течение некоторого времени не разрешали сойти на берег.

Застой в переговорах о возобновлении дипломатических отношений и отказ в праве на переписку

После отъезда А. Иоффе в Россию переговоры были прерваны. Лев Карахан, ставший преемником А. Иоффе на посту посла в Китае, 22 сен-

¹ В письме Войтинскому (помощнику секретаря Восточного отдела исполнительного комитета Коминтерна) находившийся на борту парохода «Ленин» Файнберг (владивостокский представитель исполнительного комитета Коминтерна) писал: «Во время плаванья было решено, используя связи с коммунистами, получать сведения о ситуации в Японии напрямую». [8, с. 185-186].

² После Великого землетрясения Канто в условиях нарушенной связи и транспортного сообщения в эту область Японии не поступало никакой достоверной информации и среди горожан ходили самые разные слухи. В частности о том, что проживающие в Японии корейцы, воспользовавшись хаосом, планируют поджоги и другие преступления. Часть жителей и представителей отрядов обороны, поверив пропаганде, участвовало в ничем не спровоцированных массовых убийствах корейцев. Относительно количества жертв существуют различные версии. Так, согласно докладу японского правительства, их число составило 233 человека, по оценкам же Временного правительства Кореи - 6661 человек.

тября нанёс визит посланнику Ёсидзава Кэнкити (芳澤謙吉) и задал вопрос, идёт ли в Японии какая-либо подготовка к началу официальных японо-советских переговоров. На это К. Ёсидзава ответил, что «даст ответ после того, как запросит инструкции от японского правительства». Японский посланник направил запрос правительству, однако оно целиком было занято восстановительными работами после землетрясения. Так и не дав определённого ответа, кабинет премьер-министра Г. Ямамото ушёл в отставку.

6 ноября советские власти запретили пароходу «Хозан-мару», совершавшему регулярные рейсы во Владивосток, доставлять почту, предназначенную для генерального консульства. Прежде вся корреспонденция для генерального консульства как дипломатическая почта отдавалась капитану, который передавал её консульскому курьеру. Когда Р. Ватанабэ потребовал у Н. Хавина объяснений, последний ответил, что по распоряжению советского правительства привилегия получения дипломатических документов временно приостанавливается до момента заключения договора между Россией и Японией. Консул Р. Ватанабэ выразил протест, что лишение права почтового сообщения необоснованно, но Н. Хавин оставил протест без внимания.

С этого момента вся корреспонденция между владивостокским консульством и министерством иностранных дел шла через советскую почту. Японское правительство приняло меры по отправке секретной информации при помощи шифра, однако нередко случалось, что письма вскрывались по дороге или приходили с опозданием.

8 ноября Р. Ватанабэ доложил министру Х. Идзюин о сложившейся ситуации. Вместе с тем Р. Ватанабэ предположил, что истинной целью давления, которое оказывало советское правительство на японское генеральное консульство, было путём причинения неудобств и препятствий ускорить установление официальных отношений. Р. Ватанабэ советует министру Х. Идзюин следующее: «Я верю, что это удобный момент для начала переговоров, решения в будущем многочисленных неурегулированных вопросов и получения Японией экономических и торговых преференций»¹. На это министр Х. Идзюин ответил, что подобное давление не является подходящим средством для приближения начала переговоров и отклонил совет Р. Ватанабэ.

24 ноября Н. Хавин по телефону передал Р. Ватанабэ, что по указанию советского правительства генеральному консульству приказано временно прекратить обмен шифрованными телеграммами. По этому поводу Р. Ватанабэ заявил протест и подчеркнул, что подобные меры вредят отношениям между двумя странами и, прежде всего, самой Советской России.

Лишение полномочий исполняющего обязанности генерального консула Ватанабэ

Лишённый одна за другой дипломатических привилегий и не имея практически возможности выполнять свои обязанности, Р. Ватанабэ отправил министру иностранных дел Х. Исюин и заместителю министра Ц. Мицудайра длинную телеграмму, в которой писал, что если подобное положение продлится, то есть вероятность, что консульство будет подвергнуто обыску, его сотрудники арестованы, а сама дипломатическая

¹ 外交史料館, 1, 6, 3 24-13-76 在浦潮帝国領事館否認及館員並駐在武官被拘禁ノ件 - Исторический архив дипломатических документов, 1, 6, 3 24-13-76. Инцидент с отзывом полномочий генерального консульства Японской империи во Владивостоке и арестом сотрудников консульства и военных атташе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

миссия принудительно закрыта. Консул Р. Ватанабэ подчёркивал, что кардинальным решением может быть только начало официальных дипломатических переговоров между К. Ёсидзава и Л. Караханом. Три недели спустя 22 января пришёл ответ от только что вступившего в должность министра иностранных дел Мацуи Кэйсино (松井慶四郎). В телеграмме говорилось, что министр понимает ту сложную ситуацию, в которой оказалось консульство, и просит сотрудников набраться терпения и действовать сообразно сложившимся обстоятельствам, а в случае чрезвычайной ситуации действовать на своё усмотрение в зависимости от шагов, предпринятых советской стороной.

12 февраля Н. Хавин письменно уведомил Р. Ватанабэ о том, что: «Советское правительство не допускает присутствия на территории лиц, официально выполняющих обязанности от имени правительства Японии». Более того, 16 февраля Н. Хавин объявил Р. Ватанабэ о полном прекращении почтового сообщения с Японией. 18 февраля Ирино, глава японской общины во Владивостоке, направил министру К. Мацуи телеграмму о том, что проживание японцев в России стало невозможным и ходатайствовал о начале переговоров относительно восстановления японо-советских дипломатических отношений. 20 февраля министр К. Мицуи направляет К. Ёсидзава распоряжение «встретиться с Караханом и выяснить намерения советской стороны относительно многочисленных нерешённых вопросов между Японией и Советами, поскольку скорейшее установление дипломатических отношений выгодно в том числе и Японии». 24 февраля в беседе с Л. Караханом К. Ёсидзава передаёт намерения японского правительства. В ответ на это Л. Карахан предупредил, что давно не получал никаких инструкций относительно этого и не знает нынешних планов советского правительства, и изложил К. Ёсидзава своё видение проблем относительно прежних договоров, а также государственного долга и других нерешённых вопросов японо-советских отношений.

Спустя 2 дня после этой встречи 26 февраля во Владивостоке одновременно на квартирах сотрудников консульства, военных атташе и представителей японской общины были проведены обыски.

3. Домашние обыски и задержание сотрудников генерального консульства

Обыски прошли на квартирах трёх сотрудников генерального консульства.

Осакабэ Цуцуму (на момент ареста 34 года) в течение 5 лет с 1916 г. находился при секретариате Консультативного совета Корейского генерал-губернаторства (朝鮮總督府中樞院局), затем работал в консульстве в Кандо¹, после переведён в генеральное консульство в Харбине, с января 1923 г. был направлен в генеральное консульство во Владивостоке в качестве переводчика. В местном консульстве как «ответственный по делам корейцев» (как в тот момент называлась должность) отвечал за сбор информации о деятельности антияпонски настроенных корейских обществ, чьи опорные пункты находились в окрестностях Владивостока, и в целом защиту корейского населения, проживающего на территории России.

Харуга Рэйхатино (на момент ареста 44 года), как и Осакабэ Цуцуму, в качестве «ответственного по делам корейцев» с ноября 1922 г. служил в генеральном консульстве во Владивостоке, однако являлся сотруд-

¹ Кандо (間島, кор. Кандо, яп. Канто) – область на территории современного Янбяньского корейского автономного округа, входит в состав провинции Цзилинь (КНР) (примю.перев.).

ником не министерства иностранных дел, а администрации Корейского генерал-губернаторства. Направленный в Сибирь в качестве внештатного сотрудника департамента по делам японских войск во Владивостоке, после приезда в Россию в июне 1921 г. был передан в подчинение секретарю К. Ямадзаки. Последний был командирован из Корейского генерал-губернаторства в качестве внештатного сотрудника департамента по общим делам. Позднее в связи с эвакуацией департамента К. Ямадзаки был освобождён от обязанностей внештатного сотрудника, но получил приказ остаться и был переведён на работу в генеральное консульство.

Гундзи Томомаро (на момент ареста 41 год) находился во Владивостоке с июня 1923 г. в качестве вице-консула генерального консульства. Отвечая в консульстве за иную важную работу, он также курировал работу подчинённых ему Ц. Осакабэ и Р. Харута, связанную с корейским населением. В июне 1919 г., через год после того, как японские войска заняли Хабаровск, Гундзи прибыл туда к новому месту службы. Позже вместе с отступающими японскими войсками он переехал в Спасск, где возглавил местное отделение консульства. В период пребывания в России японских войск, помимо защиты проживающего здесь японского населения, он занимался вопросами японских войск. Во время вывода войск генеральный консул Мацумото, консулы Сугино и Гундзи выдали более 5000 виз для эвакуируемых соотечественников и посадили их на корабли, возвращающиеся на родину¹. После вывода войск Т. Гундзи находился в Никольск-Уссурийском, однако после скоростной смерти генерального консула С. Мацумура стал правой рукой исполняющего обязанности генерального консула Р. Ватанабэ и был переведён во Владивосток. Поскольку сразу после прибытия к месту службы в Хабаровск Т. Гундзи неоднократно инспектировал корейские поселения, а во время своего пребывания в Спасске и Никольск-Уссурийском имел отношение к сбору информации о деятельности антияпонски настроенных корейцев, то можно предположить, что он выполнял обязанности ответственного по делам корейцев.

Иными словами, всех троих объединяло то, что они отвечали за корейский вопрос.

«26 февраля в 6 часов утра трое русских и один кореец в сопровождении ночного патруля вошли в дом, предъявили ордер за подписью начальника ОГПУ Карпенко и ещё одного лица и заявили, что цель их прихода – обыск. Я незамедлительно позвонил консулу Ватанабэ, чтобы известить его. Но телефон был испорчен, поэтому связаться с ним не удалось (не было связи с коммутатором)»².

Так описал Т. Гундзи в своём отчёте события того дня. Обыскивающие проигнорировали протесты Т. Гундзи и приступили к осмотру. Почти в то же самое время и в том же порядке обыски прошли на квартирах Ц. Осакабэ и Р. Харута. Обыски на квартирах продолжались более 3 часов, помимо прочего было изъято более десятка документов. По словам

¹ 外交史料館, 5.3.2.1-5 露国革命ノ際在帝国及各国公館引揚一件 第七卷/一般/沿海州方面居留民引揚調 - Исторический архив дипломатических документов, 5.3.2.1-52 Эвакуация дипломатических представительств из Российской империи в период русской революции. Том 7. (Общее) Эвакуация жителей Приморья. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² 外交史料館, 1, 6, 3, 24-13-75 露国派遣軍撤退後ノ労農政府對極東事件雜件 第二卷「3.本邦人拘束」1924年3月25日付 郡司副領事「報告書」 - Исторический архив дипломатических документов, 1, 6, 3, 24-13-75. Различные происшествия на Дальнем Востоке, связанные с рабоче-крестьянским правительством после вывода экспедиционных войск. Том 2. «3. Ограничения в отношении японцев». Донесение вице-консула Гундзи, 25 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

арестованных сотрудников консульства, среди изъятого не было сколько-нибудь важных бумаг, однако, как докладывали Т. Гундзи и Ц. Осакабэ, обыски велись крайне бесцеремонно, особенно грубо вёл себя кореец.

После обыска Т. Гундзи и Р. Харута были немедленно уведены, а избежавший ареста Ц. Осакабэ спешно прибыл в консульство, где и доложил консулу Р. Ватанабэ о случившемся. Ватанабэ заявил протест Н. Хавину и П. Карпенко, но получил резкий ответ: «Мы не можем принимать дипломатические требования от гражданских лиц».

Во второй половине того же дня Р. Ватанабэ направляет министру К. Мацуи телеграмму о происшествии и приступает к подготовке консульства к обыску. Он принимает меры для защиты оставшихся сотрудников, а также секретных документов, кодов шифрованных телеграмм и связанных с ними бумаг, информации в расчётных книгах относительно секретных расходов, и оружия, оставленного японскими отрядами обороны. В 6 часов утра следующего дня все приготовления были завершены.

27 февраля в 11 часов утра Ц. Осакабэ был вызван по телефону корейцем, находившемся на службе в ОГПУ, и там задержан.

Переговоры об освобождении, допрос и постановление

Поскольку Р. Ватанабэ отказали в переговорах об освобождении арестованных японцев, 1 марта министр К. Мацуи направляет посланнику в Пекине К. Ёсидзава указание о том, чтобы потребовать у посла Л. Карахана объяснений причин ареста и немедленного освобождения арестованных. Также он пишет: «Действительно ли они намерены разорвать существующие русско-японские отношения? Если так, то нам необходимо всячески противодействовать этому, поскольку положение очень серьёзное, требуйте от них пересмотра своих позиций, о результатах телеграфируйте»¹.

С 3 марта К. Ёсидзава несколько раз встречался с Л. Караханом. Ёсидзава протестовал, что обвинения в «сборе информации, представляющей государственную тайну», выдвинутые ОГПУ, могут включать в себя любую деятельность и являются нечёткими. Аресты по такой неопределённой причине заставляют усомниться в позитивных намерениях советского правительства, и могут оказать существенное влияние на дипломатические отношения двух стран». На это Л. Карахан ответил, что, по информации владивостокских властей, арест был произведён на основании неопровержимых доказательств и не был случайным, что в Японии есть люди, которые истолковывают этот инцидент как попытку форсировать дипломатические переговоры, однако таких намерений у советского правительства нет. Принимая во внимание масштабы влияния этого события на правительство и народ Японии, Л. Карахан намерен настойчиво требовать у владивостокских властей немедленных объяснений, какая именно информация имеется относительно лиц, занимающих «официальные должности»², и кроме того, намерен приложить максимальные усилия для освобождения арестованных.

¹ 外交史料館, 1,6,3 24-13-76 在浦潮帝国領事館否認及館員並駐在武官被拘禁ノ件 - Исторический архив дипломатических документов, 1,6,3 24-13-76 Инцидент с отзывом полномочий Генерального консульства Японской империи во Владивостоке и арестом сотрудников консульства и военных атташе. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² На вопрос Ёсидзава, к какой области относятся те, кто занимает «официальные должности» и относятся ли к ним военные атташе, Карахан ответил, что к ним принадлежат сотрудники консульства, исключая военных атташе.

1 марта начались допросы всех трёх сотрудников консульства. Осакабэ допрашивали шесть раз, Харута – пять, Гундзи – дважды. Допрашивал всех троих начальник 3-го отдела ОГПУ Моллов. Иногда на допросах также присутствовали другие русские и переводчик-кореец. Каждый допрос длился около 2 часов, иногда 4,5 часа, и продолжался днём и ночью.

Допрос Ц. Осакабэ главным образом касался шпиона. ОГПУ арестовало одного из агентов, которых использовал Ц. Осакабэ, и на основании свидетельств, полученных в ходе жестокого допроса, вышло на самого Ц. Осакабэ. Однако последний, ссылаясь на то, что, кроме этих показаний, достоверных доказательств нет, упорно отрицал обвинения.

На допросах Р. Харута задавались самые разные вопросы, но больше всего времени Моллов уделил изъятым во время домашнего обыска фрагментам бумаг, относящихся к документам о Красной Армии. В бумагах, о которых шла речь, были обрывочные записи, сделанные в 1923 г. относительно командующих Красной Армией, имён членов и численности антияпонских корейских организаций, существовавших в районе Никольск-Уссурийского. Харута подтвердил, что записи сделаны им, но ответил, что не помнит источник информации и как их использовал.

Сведения о Красной Армии были направлены в докладе вице-консула Гундзи министру иностранных дел от 25 октября 1923 г. и содержали информацию о передвижении частей Красной Армии из Никольск-Уссурийского в район Гродеково. Моллов предъявил Р. Харута фотографии этих записей и на основании почерка и содержания обвинил того в том, что это несомненно написал он. Однако Р. Харута это отрицал. Позже в своём докладе министру Р. Харута подтвердил тот факт, что документ был написан им, но не объяснил, почему он использовал для этого имя Т. Гундзи.

На первом допросе Т. Гундзи задавали незначительные вопросы. На втором допросе Моллов предъявил ему одну фотографию как веское доказательство того, что Т. Гундзи военный шпион. Это был снимок донесения касательно воинских частей близ Никольска-Уссурийского, датированного 29 декабря 1923 г. и адресованного министру иностранных дел от имени вице-консула Т. Гундзи. Увидев это фото, Т. Гундзи был крайне удивлён, поскольку на донесении, которого он не помнил, стояла его подпись, а сам почерк принадлежал его подчинённому Р. Харута. Моллов продемонстрировал ещё порядка тридцати похожих фотографий. Некоторое время Т. Гундзи находился в замешательстве, что же ответить на это. Гундзи рассудил, что если он станет отрицать свою вину, то под серьёзное подозрение может попасть Р. Харута, более того, может дойти до ареста консула Р. Ватанабэ и других сотрудников консульства и обыска в консульстве, и что любым способом необходимо этого избежать. Поэтому он ответил так: «Эту докладную записку действительно написал я. Я составил её на основании информации, которую слышал в поездке и на рынке во время своей командировки в Никольск-Уссурийский. Однако поскольку информация не была проверенной, то я последовал совету консула Ватанабэ и не стал отправлять министру это сообщение».

Оставив эту тему, Моллов перешёл к следующему вопросу. Допрос завершился на рассвете 15 марта.

Несмотря на все заверения Л. Карахана, даже спустя две недели вопрос об освобождении сотрудников консульства не был разрешён. 13 марта К. Ёсидзава получает от министра иностранных дел К. Мацуи указание вновь потребовать от Л. Карахана освобождения задержанных. Карахан ответил, что уже потребовал освобождения сотрудников генерального консульства, и что, должно быть, они уже освобождены. Получив из министерства иностранных дел такую информацию, Р. Ва-

танабэ обратился за подтверждением к Н. Хавину и П. Карпенко, однако те ответили, что никаких указаний ни от советского правительства, ни от Л. Карахана не получали.

15 марта после полудня Молов вызвал всех троих – Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ – и зачитал им постановление.

«Все трое, выходя за рамки своих должностных обязанностей, вели разведывательную деятельность в отношении информации, представляющей государственную тайну рабоче-крестьянской России, а также относительно состояния частей Красной Армии, что согласно статье 66 законодательства рабоче-крестьянской России карается расстрелом. Однако, принимая во внимание особые обстоятельства, суд приговаривает их на основании статьи 128 пункта 2 к минимальному наказанию – пяти годам тюремного заключения»¹.

На следующий день 16 марта в 11 часов утра начальник ОГПУ П. Карпенко вызвал к себе всех троих. Арестованные уже приготовились к тому, что они будут отправлены в тюрьму, однако П. Карпенко объявил им, что, согласно распоряжению начальника Читинского ОГПУ, они приговариваются к выдворению за пределы страны. При этом присутствовал Р. Ватанабэ, который утром того же дня получил сообщение от П. Карпенко и спешно прибыл в ОГПУ. Свою позицию по этому вопросу Р. Ватанабэ объяснял так: «Конечно, мне следовало дожидаться инструкций от императорского правительства, но обстоятельства были таковы, что другого выбора не было»².

В тот же день на корабле «Кэндзан-мару» Т. Гундзи отбывает из Владивостока, Р. Харута и Ц. Осакабэ получают отсрочку, чтобы собрать вещи, и 29 марта также покидают страну.

23 марта во владивостокской газете «Красное знамя» в статье под заголовком «Выдворение японских шпионов» было размещено интервью с П. Карпенко примерно следующего содержания: «Пользуясь иностранной интервенцией и безвластием, Япония собирала информацию об обороноспособности страны и с установлением советской власти не прекратила эту деятельность. Гундзи, Харута и Осакабэ, будучи сотрудниками консульства, вышли за рамки, допустимые международными отношениями, и занимались сбором информации военного характера. Особенно это касается вице-консула Гундзи, который собирал информацию о расположении частей Красной Армии, составляющую государственную тайну, и передавал её своему правительству»³.

5. События, предшествовавшие аресту

Как мы видим, с момента установления во Владивостоке советской власти давление на генеральное консульство усиливалось. Особенно это

¹ 外交史料館, 1,6,3, 24-13-75 露国派遣軍撤退後ノ労働政府对極東事件雑件第二巻「3.本邦人拘束」1924年3月24日付 小坂部通訳生「報告書」 - Исторический архив дипломатических документов, 1,6,3, 24-13-75 Различные события на Дальнем Востоке, связанные с рабоче-крестьянским правительством после вывода экспедиционных войск. Том 2. «Ограничения в отношении японцев». Доклад переводчика Осакабэ Цудуму от 24 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² 1924年3月17日付 渡辺総領事代理発 松井外務大臣宛電報第91-2 - Телеграмма № 91-1 исполняющего обязанности Генерального консула Ватанабэ министру иностранных дел Мацуи от 17 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

³ 1924年3月23日付 渡辺総領事代理発 松井外務大臣宛電報118号 - Телеграмма № 118 исполняющего обязанности Генерального консула Ватанабэ министру иностранных дел Мацуи от 23 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

было заметно непосредственно перед арестом. Лишение консульства его полномочий, приостановление почтового сообщения – все эти меры вели к дальнейшей эскалации конфликта. По этой причине и консул Ватанабэ, и японское правительство с самого начала восприняли этот инцидент как одно из проявлений давления со стороны советского правительства. Сотрудники владивостокского консульства Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ также в своих докладах излагают эту точку зрения. Однако незадолго до инцидента в Пекине начались встречи между Л. Караханом и К. Ёсидзава по поводу переговоров о возобновлении дипломатических отношений. Возникает вопрос, нужно ли было советскому правительству в такой важный момент оказывать дополнительно какое-то давление. Хотя этот инцидент с арестом не оказал серьёзного влияния на советско-японские отношения, но несомненным его результатом стало то, что у Л. Карахана и К. Ёсидзава прибавилось работы, а само начало переговоров оказалось отсрочено.

26 марта в Харбине в русскоязычной газете «Новости жизни» на первой полосе была размещена статья вкратце следующего содержания:

«Несмотря на то, что доказательств шпионажа было достаточно, Карпенко ограничился всего лишь высылкой сотрудников генерального консульства, что показывает нежелание обострять конфликт между двумя странами, поскольку советское правительство расположено к Японии. Думается, однако, что это вызвало бурю возмущения в сердцах японцев и содействовало усилению антипатий по отношению к Советам. Остаётся вопросом, насколько арест был подходящей мерой. Чиновникам, отвечающим за безопасность во Владивостоке, следовало быть более осмотрительными с политической точки зрения»¹.

Через несколько дней после того, как вышла эта статья, Н. Хавин был снят с должности уполномоченного советского правительства по международным делам. По информации из Пекина, причиной этого стала его «причастность» к аресту и то обстоятельство, что советское правительство, похоже, было уязвлено².

Как именно Н. Хавин был причастен к инциденту и какие разногласия существовали между советским правительством и приморским руководством, остаётся неясным. Но исходя из сложившейся ситуации, можно предположить, что центральное правительство не принимало активного участия в аресте сотрудников консульства.

Тогда почему приморское ОГПУ самовольно решилось на арест сотрудников консульства? Т. Гундзи и Ц. Осакабэ в своих докладах указывают, что аресту предшествовала закулисная деятельность антияпонски настроенных корейских обществ. Агент, работавший на Ц. Осакабэ, донёс, что на собрании руководителей этих обществ часть руководства Корейской коммунистической партии, представители его радикального крыла, предложили обратиться к российской стороне с просьбой арестовать Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ. Радикальное крыло настаивало на том, что заключение советско-японского договора ослабит их влияние и рано или поздно приведёт к тому, что они уже не смогут находиться на территории России, и что прежде необходимо каким-то образом

¹ 1924年3月26日付 在ハルビン山内総領事発 松井外務大臣宛公信第161号 - Официальное сообщение № 161 Генерального консула в Харбине Ямаути министру иностранных дел Мацуи от 26 марта 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

² 1924年3月25日付 芳澤公使発 松井外務大臣宛極秘電報第206号 - Секретная телеграмма № 206 посланника Ёсидзава министру иностранных дел Мацуи от 25 марта 1924 г. Новость о снятии Хавина с должности консулу Симада Сигэру сообщил корреспондент «РОСТА» Ознесенский. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

отомстить Японии, и сейчас наиболее удобная возможность лишить генеральное консульство его полномочий. Это было в пятую годовщину провозглашения декларации независимости Кореи, накануне 1 марта. В этот день антияпонски настроенные корейцы на протяжении нескольких лет организовывали демонстрации. Удивительное совпадение, но допросы Т. Гундзи, Р. Харута и Ц. Осакабэ начались 1 марта. Вполне вероятно, что арест Т. Гундзи и других сотрудников консульства стал возможен в силу настойчивых действий антияпонски настроенных корейцев, имевших влияние на членов приморского правительства, особенно ОГПУ.

Однако японская сторона также дала повод для ареста. Правительство Японии продолжительное время держало своих незащищённых чиновников в стране, с которой не было установлено официальных дипломатических отношений. Оно не осознавало в полной мере той опасности, в которой те находились, и не предпринимало необходимых мер. Несмотря на постоянные обращения Р. Ватанабэ о том, что нет другого принципиального решения проблемы, кроме возобновления дипломатических отношений, японское правительство не спешило с возобновлением дипломатических переговоров. Очевидно, что такая позиция японского правительства и привело к данному инциденту.

Кроме того, нельзя не заметить, что Министерство иностранных дел и Корейское генерал-губернаторство далеко не всегда находили общий язык в вопросах противодействия корейцам, находившимся на территории России. То донесение на имя министра иностранных дел, которое ОГПУ предъявило Т. Гундзи в качестве доказательства военного шпионажа, было ложным, не было написано Гундзи и не отсылалось министру иностранных дел. Но в таком случае кем и куда оно было отправлено? Т. Гундзи сообщил сотруднику министерства иностранных дел, что это сообщение было отправлено Р. Харута для Корейского генерал-губернаторства, но по дороге было вскрыто и сфотографировано ОГПУ. Можно предположить, что Р. Харута посылал в администрацию Корейского генерал-губернаторства информацию о деятельности консульства, используя форму, копирующую донесения министру иностранных дел за подписью Т. Гундзи. Поскольку было немало случаев, когда ОГПУ вскрывало почту, то Р. Харута, чтобы обезопасить себя, вероятно, использовал имя своего начальника Т. Гундзи.

Администрация Корейского генерал-губернаторства была недовольна тем, что после вспышки корейских освободительных движений контроль за ними министерством иностранных дел ведётся излишне осторожно. Начальник Р. Харута секретарь К. Ямадзаки придерживался именно этой линии и даже настаивал на том, что будет гораздо лучше, если контроль за корейцами в России переложить с министерства иностранных дел на администрацию Корейского генерал-губернаторства¹.

Исходя из того, что Корейское генерал-губернаторство поручило Р. Харута тайно передавать информацию о деятельности консульства, нетрудно понять то недоверие и желание противодействовать министерству иностранных дел, которое существовало в этом ведомстве.

¹「大正12年2月 露領在住朝鮮人統治二関スル意見」浦潮派遣政務部属託朝鮮総督府事務官 山崎真雄 - Февраль 1923 г. «Об управлении корейским населением, находящимся на территории России». Внештатный сотрудник отдела по делам японских войск во Владивостоке, секретарь Корейского генерал-губернаторства Ямадзаки Масао. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

6. Заключение

Сам Т. Гундзи в кругу семьи почти не говорил об инциденте, но его супруга Гундзи Мисао (郡司操) часто рассказывала о том дне своей внучке, автору этой статьи. В день внезапного прихода ОГПУ 26 февраля у М. Гундзи шли одиннадцатые сутки после родов. Во время обыска на М. Гундзи наставили пистолет, от пережитого потрясения на следующий у неё день начался жар и практически полностью пропало молоко. Младенца было нечем кормить. Этим несчастным ребёнком был отец автора этой статьи.

После выдворения Т. Гундзи консул Р. Ватанабэ взял на себя заботы о возвращении на родину супруги вице-консула Гундзи с младенцем и двумя маленькими детьми, выделил сопровождающего и распорядился, чтобы министерство позволило Т. Гундзи самому встретить их в порту Цуруга, куда прибывал корабль.

В сентябре 1925 г. после возобновления официальных советско-японских дипломатических отношений Р. Ватанабэ официально приступил к обязанностям Генерального консула Генерального консульства Японии во Владивостоке.

Спустя ровно год после инцидента, в феврале 1925 г., в Министерство иностранных дел Японии пришло сообщение о том, что во Владивостоке вспыхнуло восстание матросов. Молов, руководивший допросами Т. Гундзи и других сотрудников консульства, был насмерть забит восставшими, а начальник ОГПУ П. Карпенко бежал из Владивостока. Известие об этом передал исполнявший в тот момент обязанности консула в Харбине Т. Гундзи¹.

Литература

1. Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сборник документов. 1907-1929. Составление, вступительная статья, подготовка текста и примечания. М., 2005
2. Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999
3. Молодяков В.Э. Россия и Япония: меч на весах. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1929-1948). М., 2005.
4. Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899-1929). М., 2005.
5. Молодяков В.Э. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891 – 1945). М., 2006.
6. Молодяков В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель. М., 2006.
7. 原暉之『シベリア出兵—革命と干渉1917-1922』筑摩書房 1989年 (Хара Тэруюки. «Сибирский экспедиционный корпус. Революция и интервенция 1917-1922». Издательство «Тикумасэбо», 1989)

¹ 1925年2月25日付 在ハルビン郡司総領事代理発 幣原喜重郎大臣宛機密第37号 [浦潮斯徳ニ於ケル暴動ニ関スル件] - Секретное донесение № 37 исполняющего обязанности Генерального консула в Харбине Гундзи министру Сидэхара Кидзюро от 25 февраля 1925 г. «О восстании во Владивостоке» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/index.html> [Дата обращения: 02.02.2012]

8. ワシリー・モロジャコフ、木村汎訳 『後藤新平と日露関係史』藤原書店 2009年
(Василий Молодяков. Перевод: Кимура Хироси. «Гото Симпэй и история японо-
русских отношений». Изд-во «Фудзивара сётэн», 2009)